

35. Spisok rabot o L.S. Vygotskom [List of works About L. S. Vygotsky] // Vygotskii L.S. Sobranie sochineniy: V 6-ti t. T. 6. Nauchnoe nasledstvo / Pod red. M.G. Yaroshevskogo. M.: Pedagogika, 1984, S. 381–393.
36. *Stepanova M.A.* Kulturno-istoricheskaya psikhologiya glazami P.Ya. Galperina. Ob odnom opyte prochteniya L.S. Vygotskogo. (Predisloviye) [Cultural and historical psychology through the eyes of P.Ya. Galperin. About the one experience of reading L. S. Vygotsky. (Preface)] // Kulturno-istoricheskaya psikhologiya. 2009. N 1. S. 112–117.
37. *Teplov B.M., Shvarts L.M.* Retseziya na knigu: S.L. Rubinshteyn. Osnovy obshchey psikhologii [Review of the book: S. L. Rubinstein. Fundamentals of General psychology] // Sovetskaya pedagogika. 1941. N 7–8. S. 96–107.
38. *Teplov B.M., Shvarts L.M.* [Retseziya na knigu:] «Osnovy obshchey psikhologii» S.L. Rubinshteyna [Review of the book: S. L. Rubinstein. Fundamentals of General psychology] // Teplov B.M. Psikhologiya i psikhofiziologiya individualnykh razlichiy. M.: Izd-vo «Institut prakticheskoy psikhologii». Voronezh: «MODEK». 1998. S. 440–467.
39. *Teplov B.M., Shvarts L.M.* [Retseziya na knigu:] «Osnovy obshchey psikhologii» S.L. Rubinshteyna // Teplov B.M. Psikhologiya i psikhofiziologiya individualnykh razlichiy: izbrannyye psikhologicheskiye trudy [Review of the book: S. L. Rubinstein. Fundamentals of General psychology] / Pod red. M.G. Yaroshevskogo. M.: Izd-vo Moskovskogo psikhologosotsialnogo instituta; Voronezh: Izdatel'stvo «MODEK». 2003. S. 515–548.
40. Umstvenno otstalyy rebenok [Retarded child] / Pod red. L.S. Vygotskogo i I.I. Danyushevskogo. M.: Uchpedgiz, 1935. 176 s. (Eksperimental'nyy defektologicheskiy institut im. M.S. Epshteyna. Psikhologicheskoe issledovaniya. Vyp. 1.)
41. *Yasnitskiy A.* Ocherk istorii Kharkovskoy shkoly psikhologii: period 1931–1936 gg. [Essay on the history of the Kharkov school of psychology: the period 1931–1936] // Kulturno-istoricheskaya psikhologiya. 2008. N 3. S. 92–102.
42. *Yasnitskiy A.* «Kogda b vy znali, iz kakogo sora...»: k opredeleniyu sostava i khronologii sozdaniya osnovnykh rabot Vygotskogo [“If only you knew from what rubbish...”: the determination of composition and chronology of the establishment of major works of Vygotsky] // Psikhologicheskiy zhurnal Mezhdunarodnogo universiteta prirody, obshchestva i cheloveka «Dubna». 2011. N 4. Elektronnaya versiya // <http://www.psyanima.ru/journal/2011/4/2011n4a1/2011n4a1.pdf>

Поступила в редакцию 11. IV 2018 г.

КРИТИКА ТЕОРИИ ТОЛПЫ Г. ЛЕБОНА: ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Д.С. ГОРБАТОВ, А.В. БАЙЧИК

Санкт-Петербургский государственный университет

Рассматриваются составляющие теории толпы Гюстава Лебона (1895), подвергшиеся со стороны исследователей прошлых лет и настоящего времени наиболее интенсивной критике. В частности, анализируются критические комментарии в отношении тактики воздействия на стихийное образование, тезисов о «духовном единстве» толпы и выраженной нивелировке личности в ней, психологических механизмах образования толпы, ее основных свойствах и видах. Отмечается ряд методологических ошибок Г. Лебона, среди которых деконтекстуализация толпы, ее искусственное исключение из общего социального, политического, экономического, а также конкретного ситуативного контекста межгруппового взаимодействия; чрезмерная генерализация понятия толпы, заключающаяся в распространении этого наименования на различные социальные объединения, где проявляется «закон духовного единства»; некритичность переноса характеристик отдельных «толп»

времен Великой французской революции и Парижской коммуны на феномен стихийных групп в целом; неоправданная недооценка содержательной стороны воздействия социальных манипуляторов на толпу; сугубо механистическая природа модели образования толпы, в которой индивидам отведена роль пассивных субъектов, автоматически реагирующих на внешние побуждения. Констатируются идеологическая предвзятость автора и доктринерский характер построения одной из первых теорий толпы, обусловившие многие из указанных методологических нарушений. Фиксируется произвольность и нечеткость трактовок ряда базовых понятий. В то же время в статье подчеркивается значение теории Г. Лебона в деле дальнейшего развития научных представлений об интерактивных и иррациональных аспектах поведения стихийных социальных объединений.

Ключевые слова: толпа, теории толпы, теория толпы Г. Лебона, критика теории Г. Лебона, воздействие вожаков, духовное единство толпы, механизмы образования толпы, свойства толпы, классификация толп.

Один из первых рецензентов трудов известного популяризатора науки, социального философа и психолога Гюстава Лебона (1841–1931) иронично описал его как «интеллектуально одержимый “Кодак”». Его книги заполнены правдивыми снимками, интересны сами по себе, но печально бессвязны и лишены фокуса» (Vincent, 1899, p. 555). Трудно сказать, в какой мере это справедливо в отношении работ по физике, химии, физиологии, архитектуре, антропологии, истории, педагогике, этнографии, верховой езде и пр. Безосновательными признаны попытки Г. Лебона претендовать на открытие «черного света», особого типа излучения, или настаивать в споре с А. Эйнштейном на своем приоритете в разработке основ теории относительности (Magrean, 2000). Давно отвернута научным сообществом его расистская концепция (Тагиефф, 2009). Однако в одной области — психологии стихийных объединений — мы рискнули бы сравнить французского ученого не с примитивным фотоаппаратом, а скорее с прототипом некоего аналогового компьютера, способного обрабатывать массивы данных, не производя оцифровки и избегая исчислений.

По стилю «Психология толпы» не отличается от большинства образцов творчества Лебона, предназначенных для завоевания широкой публики: его язык прост, нередко афористичен, рассуждения сжаты, примеры тщательно отобраны, объяснения поверхностны и пристрастны, выводы

весьма категоричны (Московичи, 1998). Тем не менее эта книга переведена на многие языки, включая арабский, китайский, корейский, турецкий, японский. Электронные каталоги ведущих национальных библиотек отмечают, что во Франции она выдержала не менее 26 изданий, в США и Великобритании — не менее 21. Согласно электронному каталогу РГБ, после первой публикации (Лебон, 1896) она не появлялась в открытой отечественной печати в течение почти ста лет. Однако в период с 1995 до начала 2018 г. зарегистрировано 15 переизданий на русском языке.

Об актуальности идей Г. Лебона в области психологии толпы свидетельствует и обилие критических комментариев. Если концепции его предшественников (Сигеле, 1893; Fournial, 1892; Тард, 1893) лишь кратко оцениваются в некоторых объемных работах историко-психологической направленности (Bargows, 1990; McClelland, 1989; и др.), то методологические просчеты Лебона все еще служат предметом детального рассмотрения не только в монографиях, но и в многочисленных научных статьях (Райхер и др., 2005; Drury, Stott, 2011; Stott, Drury, 2016; и др.) и даже в учебных пособиях (Reicher, 2001; Locher, 2002; Spears, Postmes, 2015). Во многом это объясняется влиянием его ключевых положений на исследования коллективного поведения Чикагской школой социологии (McPhail, 1991), а также на становление теории деиндивидуализации (Vilanova et al., 2017).

Насколько идеи Г. Лебона в отношении феномена толпы, опубликованные в конце XIX в., сохранили значение в наши дни? Согласно одной из возможных точек зрения, они устарели не более, чем труды иных гениальных ученых-доктринеров, начиная от трактата Макиавелли «Государь» до «Трех очерков по теории сексуальности» З. Фрейда. По другому мнению, основные составляющие данной теории заслуживают категорического опровержения или, по крайней мере, требуют принципиальных уточнений. Для ответа на этот вопрос рассмотрим совокупность критических суждений исследователей, начиная от того времени до наших дней.

Воздействие на толпу. Работа анализируемого автора самым выгодным образом отличалась от книг его непосредственных предшественников конкретным и, казалось бы, убедительным описанием специфики влияния вожаков. Лебон настаивал на преимуществах демагогической коммуникации во многом гипнотического толка, выражающейся в воздействии не на рациональное мышление, а на воображение и чувства аудитории. Рисовать прельщающие всех образы, опираться на имеющиеся иллюзии, демонстративно разделять общие переживания, заражать бурными эмоциями, преувеличивать, смело обобщать частные случаи, выражаться предельно просто и категорично, повторять в одних и тех же выражениях, предпочитать законам логики лозунги и речевые штампы, никогда не пробовать доказывать что-либо рассуждениями – таков его «рецепт» управления толпой (Лебон, 1896, с. 187, 203, 243, 244, 253).

Для подтверждения эффективности такой тактики достаточно обратиться к опыту действовавших иначе. Известный социолог П. Сорокин вспоминал, как едва избежал участи быть разорванным толпой, которой попытался последовательно объяснить все заблуждения большевиков и

масштабы грозящих стране бедствий: «...я как будто бы разговаривал не с людьми, а с неким монстром. Глухим ко всяким доводам, обуреваемым ненавистью и бесчувственной жестокостью... Я никогда не забуду эти лица в обезумевшей толпе. Они потеряли все человеческое, укрепив в себе лишь звериное начало» (Сорокин, 1992, с. 238). И только когда он, действуя в духе оратора Лебона, патетично вскричал: «Неужели моя смерть даст вам землю или наполнит ваши пустые желудки?» (Там же), толпа, разразившись неожиданным смехом, отпустила намеченную жертву.

По поводу тактики воздействия В.М. Бехтерев обоснованно заметил, что толпа бывает разной, и если она настроена выжидательно и не находится в движении, то выслушает доводы ораторов, которые, разумеется, должны быть простыми, логичными, убедительными, сопровождаемыми подходящими образами и примерами. Потому исключать убеждение из арсенала пригодных инструментов преждевременно (Бехтерев, 1921). Добавим, что пронизательное суждение высказали исследователи, мыслящие в парадигме социальной идентичности и самокатегоризации. Они обратили внимание, что Лебон сконцентрировался на том, *как* говорить с толпой, в ущерб тому, *что* именно ей говорить (Райхер и др., 2005). Согласно их трактовке содержательной стороны воздействия, социальный манипулятор, например, насаждающий ненависть к другим, как минимум предпринимает три действия, а именно: 1) устанавливает границы между «своими» и «чужими», выстраивая идентичность ингруппы так, чтобы она совершенно исключала аутгруппу; 2) представляет аутгруппу как угрозу для существования ингруппы, нередко наделяя ее одновременно как недочеловеческими, так и сверхчеловеческими чертами; 3) изображает ингруппу как самую добродетельную, единственно заслуживающую просоциального поведения, чем снимает

любые ограничения с действий, направляемых против аутистической группы.

Духовное единство толпы. Предпочтение вожаками демагогической тактики, согласно Лебону, всецело обусловлено психологической природой того совокупного суггеренда, в котором полностью растворились прежде сознательные личности и образовалось нечто целое — одинаково чувствующая, думающая и действующая «коллективная душа», «одухотворенная толпа», временный социальный организм, отныне подчиняющийся «закону духовного единства толпы» (Лебон, 1896, с. 163). Нивелировка индивидуальных различий при этом бывает настолько велика, что независимо от уровня ума, культуры и благосостояния человек оказывается способен на такие акты поведения, которые ранее представлялись ему совершенно невыносимыми. Отныне он, «песчинка среди массы других песчинок», носитель бессознательного расового начала, «становится автоматом, у которого своей воли не существует» (Там же, с. 170).

Надо заметить, что во всем этом Г. Лебон не был первооткрывателем. Начиная с юриста С. Сигеле к тому времени уже описал «душу толпы», в которой скрепляются воедино личности, меняющие при этом свои черты в заведомо худшую сторону (Сигеле, 1893). Будущий военный медик А. Фурниаль отметил, как разнородные индивидуальности переплавляются в единую форму, приобретая характер существа, способного чувствовать, действовать, но не мыслить (Fournial, 1892). Социальный философ и социолог Г. Тард очертил, как разнородное сборище «вдруг становится одной колоссальной личностью, в которой тысячи лиц сливаются как бы в один смутный облик», приобретая общую веру, страсть и цель (Тард, 1893, с. 4). Однако своей «мишенью» большинство критиков выбрали Лебона.

Согласно позиции многих из них, упоминать «коллективную душу» или иное

«метафизическое чудовище» (Ostlund, 1957) допустимо лишь в качестве метафоры. Правильнее ограничиться констатациями проявлений «совместной активности» (Bentley, 1897) или «взаимовлияния разумов» (Martin, 1920). Выражения типа «единство сознаний», «единая душа» и т.п. В.М. Бехтерев считал верной приметой субъективизма в оценке общественной деятельности, от которого пришлось время избавляться. Не случайно, по его мнению, толпа стала излюбленным объектом исследований «субъективистов»: если с некоторой натяжкой подобные выражения еще допустимы по отношению к ней, то применительно к любым другим социальным объединениям они попросту бессмысленны (Бехтерев, 1921). Мнение сторонников индивидуалистического подхода достаточно полно выразил Д.Д. Безсонов, настаивавший на необходимости изучения не абстрактной «психологии толпы», а человека, находящегося в особом психическом состоянии, обусловленном пребыванием в толпе (Безсонов, 1907). Настроение толпы, утверждал, в свою очередь, Л.Е. Оболенский, есть не что иное, как настроение отдельных личностей, ставшее одинаковым под влиянием одних и тех же обстоятельств. Игнорирование этого, иронизировал он, приведет к тому, что вскоре появятся «психология леса», «психология гор, моря», «психология театра» или «психология оперетки» (Л.О., 1896, с. 47).

Кульминацией индивидуалистического подхода стала концепция конвергенции Ф. Олпорта, согласно которой желание присоединиться к толпе и испытать ее воздействие обусловлено имеющимися у индивидов личностными склонностями, персональными предрасположенностями к совместно планируемому поведению. Иначе говоря, «человек в толпе ведет себя так же, как вел бы себя один, только в еще большей мере так же» (Allport, 1924, p. 295). Однако отметим, что упрощенное представление о мотивации поступков и явная

недооценка процессов социального влияния привели к тому, что время существования этой концепции оказалось значительно меньшим, чем у теории Лебона.

Значительную активность критиков вызвал тезис о нивелировке индивидуальных различий. Еще до появления книги Г. Лебона, возражая его предшественникам, В.К. Случевский писал о возможных исключениях: «Человек с развитым сердцем и с культурным чувством чести ...присоединившись к ней и увлекшись ею, проявит более умиротворяющих начал, нежели человек, не обладающий этими личными свойствами» (Случевский, 1893, с. 12). Много позже С. Райхер и Дж. Поттер другими словами выразили то же самое, усомнившись в соответствии тезиса об обязательной нивелировке личности тому, что мы обозначим здесь как «критерий дискриминативности», способность концепции замечать и объяснять различия в поведении индивидов. Наличие «духовного единства» предполагает, что в каких-либо беспорядках или погромах примут участие все собравшиеся без исключения, а это вовсе не так (Reicher, Potter, 1985). Ч. Кули отметил, что степень изменения личности изрядно преувеличена. Утрата рационального контроля и индивидуальной ответственности в толпе не будет большей, чем в любом состоянии сильного возбуждения (Cooley, 1909). Наконец, К. Макфейл, основываясь на многолетнем опыте изучения толп и многочисленных исследованиях коллег, указал, что той нивелировки личности, которая, по Лебону, приводит к потере когнитивного контроля и участию в экстремальном или даже безумном поведении, в подавляющем большинстве случаев вовсе не происходит (McPhail, 1991). По данным американского социолога, изредка удавалось зафиксировать подобное у нескольких членов толпы, но не более того.

Своеобразен последующий ход мысли К. Макфейла: теорию толпы следует раз-

рабатывать с расчетом на объяснение всего спектра возможного поведения, от экстремальных до самых обычных форм. Она не должна быть, как у Лебона, «теорией редких событий» (Там же, р. xxiii). Вряд ли с этим можно согласиться. Если чрезвычайно редко встречающийся феномен несет в себе значительную общественную опасность, то его обособленное изучение представляется вполне оправданным.

Современные последователи парадигмы социальной идентичности и самокатегоризации полагают, что Лебон не только исказил выраженность нивелировки индивидуальных различий, но и дал ей неверное обоснование, противопоставив рациональное «Я» вне толпы антисоциальному «Мы» в ее пределах. С их точки зрения, следует вести речь не об утере «Я», а о состоявшемся переходе от личной идентичности к общей социальной (Reicher, Potter, 1985; Reicher, 2001; Drury, Reicher, 2011; Spears, Postmes, 2015; и др.). Проблема в том, что на данный момент в их исследованиях когнитивный компонент идентичности превалирует над аффективным (Borch, 2006), а это чревато неверным пониманием феномена толпы.

Механизмы образования толпы. Описывая формирование «духовного единства» толпы и растворение в ней прежде самостоятельных «частиц», Г. Лебон выделил три психологических механизма: 1) осознание численности, непреодолимости общей силы вкупе с анонимностью приводят к исчезновению чувства ответственности; 2) проявление заразительности или «заразы» (contagion), причисляемое к разряду гипнотических явлений, обеспечивает готовность жертвовать личными интересами; 3) восприимчивость к внушению обуславливает состояние бессознательной гипнотизации (Лебон, 1896, с. 168–169). При этом он не упомянул наиболее привычного для исследователей толпы того времени механизма подража-

ния, посчитав его не более чем одним из проявлений «заразы».

В отношении первого из выделенных механизмов критиками было замечено, что подлинной анонимности в толпе не существует, так как люди обычно приходят туда с родственниками, друзьями, соседями, общаются со знакомыми (Reicher, Potter, 1985; McPhail, 1991). Однако такой аргумент не является релевантным. Члены толпы могут быть прекрасно известны тем, с кем объединены внутригрупповыми связями, но для тех, кто состоит с ними в межгрупповых отношениях в качестве противников, свидетелей или потенциальных жертв, они в большинстве случаев анонимны. Таким образом, постулируемая Лебоном связь анонимности с уменьшением чувства ответственности не опровергнута. Что касается влияния численности, представляются правомерными дополнения Д.Д. Безсонова о том, что, во-первых, активное ядро не только внушает страх противнику, но и нередко терроризирует пассивную часть толпы, вынуждая ее присоединиться к экстремальному поведению, а, во-вторых, большинство для представителей пассивного меньшинства обладает несомненной референтностью, что также влияет на поведение.

Два других механизма образования толпы Лебон разграничил явно недостаточным образом, указав лишь, что «зараза» является следствием восприимчивости к внушению. З. Фрейд логично предложил различать их по субъектам действий, при этом заразительность отнести к влиянию членов толпы друг на друга, а внушение считать функцией вожakov (Фрейд, 2016).

Множество критических комментариев в отношении этих механизмов связано с произвольностью и нечеткостью формулировок Г. Лебона. Так, Г. Уоллес упрекнул его в неопределенности трактовки бессознательного, на котором основывается действие механизмов как заразительности, так и внушаемости. По его мнению, выраже-

ние «толпы всегда бессознательны» порождает резонный вопрос: социальные объединения лишены коллективного сознания или же каждый индивид в них полностью бессознателен? (Wallas, 1920). Л. Остлунду представилась сомнительной опора этих двух механизмов на феномен гипнотизма, безусловно «модный» во времена Г. Лебона, но в реальности не имеющий к механизмам социального влияния особого отношения (Ostlund, 1957). Позже этот тезис поддержал К. Макфейл, подчеркнув неслучайность отсутствия научных исследований коллективного гипноза. По его мнению, тот факт, что люди в толпе готовы преследовать цели, внушенные другими, еще не означает потери ими самоконтроля до степени сомнамбулы. Кроме того, Л. Остлунд обозначил как существенную ошибку преувеличение Лебоном влияния данных механизмов на личность, охарактеризовав эту часть теории толпы как сугубо механическую модель, где некритичный и пассивный индивид автоматически реагирует на внешние побуждения, не отличаясь регуляцией своего поведения от самых примитивных животных (Там же).

Однако не все претензии критиков беспристрастны. К. Макфейл описал как тавтологию то, что единственным доказательством существования механизмов образования толпы стало поведение, которое они должны были объяснить. Иначе говоря, объяснения оказались выведены исключительно из самого объясняемого материала. Нет оснований полагать, что Лебон проявил в данном случае большую методологическую неразборчивость, чем все предшествующие и многие из последующих исследователей социальных объединений.

Свойства толпы. В результате действия рассмотренных механизмов «одухотворенная толпа» приобретает, по Лебону, следующие черты: преобладание бессознательного начала, импульсивность действий, изменчивость настроений, крайняя раздражи-

тельность, нетерпимость, легковерие, внушаемость до коллективных галлюцинаций, преувеличенность и однонаправленность переживаний, глубокий консерватизм мнений, склонность к морализации. Помимо этого он находил в паттернах поведения толпы «варварское», «звериное», «женское» (!) начало (Лебон, 1896).

Автор «практически полностью исчерпал список подходящих прилагательных в перечислении особых черт толпы», — констатировал один из исследователей (Barnes, 1920, p. 342). Другой видел в этом и подобных ему перечнях плод случайных наблюдений, отмечая их явную голословность, преувеличенность и пристрастность (Резанов, 1910). Третий писал: «Если собрать все те черты толпы, на которые указывают исследователи, то она окажется наделенною всеми пороками и недостатками, которые свойственны вообще человеческому роду» (Безсонов, 1907, с. 62).

Многие исследователи (Безсонов, 1907; Cooley, 1909; Barnes, 1920; Бехтерев, 1921; и др.) видели серьезную методологическую ошибку Лебона в некритичности перенесения характеристик отдельных толп времен Великой французской революции и Парижской коммуны на феномен стихийных групп в целом. В результате эпизодическое, если не рандомное, поведение получило вид неизменного атрибута (Reicher, 2001).

Ряд исследователей оспаривал правомерность тех или иных характеристик, предлагая собственные варианты (Безсонов, 1907; Резанов, 1910; Бехтерев, 1921; и др.). Однако такие изменения не являлись принципиальными. Начиная с 80-х гг. XX в., научное восприятие этого и аналогичных перечней изменилось. Ученые стали говорить о преднамеренной патологизации характеристик толпы. Справедливо утверждалось, что Лебон (наравне со многими из предшественников) подчеркнул «деконтекстуализировал» ее, вывел за пределы, во-первых, социального кон-

текста, где толпа, защищая свои интересы, выступает в качестве одной из сторон нередко продолжительного межгруппового конфликта, и, во-вторых, за пределы контекста ситуативного, исключив из рассмотрения действия непосредственно противостоящих ей сил (Reicher, Potter, 1985; Drury, Reicher, 2000; Reicher, 2001; Stott, Drury, 2016; и др.). Взгляд на стихийное объединение как на «изолированный образец на чашке Петри» (Drury, Stott, 2011, p. 278) привел к неверному представлению о том, что проблемы исходят исключительно от самой толпы, в которой все подчинено примитивным и иррациональным побуждениям. Получалось, что толпа не может являться полноправным участником социальных изменений, ее воздействие обычно деструктивно, часто немотивированно, всегда кратковременно и, в итоге, социально несущественно. Как следствие, теория Лебона внесла заметный вклад в легитимизацию полицейского насилия по отношению к столь «патологической» толпе, подкрепила отказ истеблишмента от принятия во внимание требований угнетенных, а также способствовала отрицанию властью имущими собственной ответственности за создание конфликта (Reicher, Potter, 1985; McClelland, 1989; Barrows, 1990; Spears, Postmes, 2015; и др.).

Отдельного комментария требует трактовка французским ученым ума и нравственности толпы. В согласии с предшественниками (избегая, впрочем, упоминать в книге их имена), Лебон постулировал падение уровня интеллекта в социальном объединении, способном, по его мнению, опираться лишь на внушенные идеи. «В толпе люди всегда сравниваются..., — писал он, — подача голосов сорока академиков окажется несколько не лучше подачи голосов сорока водоносов» (Лебон, 1896, с. 307). Зато в вопросе нравственности толпы Г. Лебон резко разошелся во мнениях с С. Сигеле, автором «Преступной толпы», и Г. Тардом, незадолго до этого

опубликовавшим «Преступления толпы». По его словам, «есть преступная толпа, но есть также толпа добродетельная, героическая и много других. Преступления толпы составляют лишь частный случай ее психологии» (Там же, с. 158). Проявит ли она величайшее бескорыстие и самопожертвование или решится на крайнюю жестокость — во многом это зависит от ее вожаков и сопутствующих сторонних влияний.

Критики в целом одобрили позицию Лебона в отношении нравственности толпы, но многие разошлись с ним в оценке ее интеллекта (Лозинский, 1900; Cooley, 1909; Бехтерев, 1921; и др.). Причина расхождения взглядов состояла не в иллюзиях относительно умственного потенциала уличных сборищ, а в различном понимании того, что именно считать толпой.

Классификация «толп». Различительным критерием в отношении социальных объединений Лебону служил «закон духовного единства толпы». Если малая группа («даже шести человек достаточно» — Лебон, 1896, с. 163), организация, целое сословие или весь социальный класс начинали подчиняться этому «закону», они считались «толпой». В предложенной им классификации толпы подразделялись на разнородные и однородные. При этом среди «разнородных» выделялись анонимная (например, уличная толпа) и неанонимная (присяжные, парламент и пр.). Категориями «однородных толп» стали политические и религиозные секты, «касты» (военные, духовенство, рабочие и т.д.) и классы (буржуазия, крестьянство) (Там же, с. 282).

Если первоначально критики (Бессонов, 1907; Резанов, 1910; и др.) пытались вносить свои поправки, то уже к началу 1920-х гг. была признана чрезмерность генерализации Лебоном понятия толпы (Martin, 1920; Бехтерев, 1921; и др.), выражающаяся в его некорректном распространении на иные социальные объединения на основании второстепен-

ного признака. Чуть ли не единственным сторонником расширенной трактовки термина в то время оставался, вероятно, самый резкий критик Лебона — Л.Н. Войтоловский, по остальным вопросам не стеснявший себя в выражениях. «Вульгарная теория», ставшая «евангелием для всех буржуазных правительств», «патентованный парижский психолог», пытающийся «приставить старую дворянскую голову к демократическим массам» (Войтоловский, 1925, с. 36, 99), — таковы лишь некоторые эпитеты, которыми обильно награждался заочный оппонент.

С заметно меньшей экспрессией многие зарубежные (Barnes, 1920; Ostlund, 1957; Barrows, 1990; McPhail, 1991; Москвичи, 1998; Stott, Drugy, 2016) и советские (Ашин, 1971; Поршневу, 1979; Бессонов, 1985; Грушин, 1987; Овчаренко, Грицанов, 1990) ученые отмечали идеологическую ангажированность позиции Лебона в отношении объекта своего исследования. Почти в одних и тех же выражениях они писали о его антидемократической предвзятости, предубеждениях против пролетариата, консервативности, реакционности, выражении страхов буржуазии, классовых предрассудках и озлобленности. На фоне сходства оценочных суждений заметно одно отличие — исследователи советского периода предпочитали критиковать теорию толпы Лебона как таковую, воздерживаясь от обстоятельного изложения ее составляющих. Идеологизация науки, характерная для того времени, предполагала замалчивание «неприемлемых» идей при навешивании «ярлыков» на их авторов.

Предсказывая наступление «эры толп», угрожающей привычному миропорядку, Лебон выбрал свою сторону баррикад. Однако видеть в его теории «научное оправдание авторитарного правления и освящение диктатуры» (Ostlund, 1957, p. 170) или даже «набор рецептов... [для] фашистских заправил» (Бессонов, 1985, с. 97) в корне неверно. Ему казалось очевидным,

что в социальной сфере психология должна уметь не только выявлять, объяснять и предсказывать, но и предлагать решения актуальных проблем.

Любители простых ответов на неоднозначные вопросы продолжают находить в его книге готовые формулировки для подтверждения собственных опасений, предубеждений или устремлений. В то же время «полуправда Лебона» (Московичи, 1998) остается основанием научной традиции, противостоящей современному тренду в интерпретации стихийных объединений с позиций отчетливого индивидуализма и социального когнитивизма, недооценивающего иррациональные и интерактивные аспекты поведения толпы.

1. Ашин Г.К. Доктрина «массового общества». М.: Политиздат, 1971. 191 с.
2. Безсонов Д.Д. Массовые преступления в общем и военно-уголовном праве: Диссертация. СПб.: Типо-лит. К.Л. Пентковского, 1907. 480 с.
3. Бессонов Б.Н. Фашизм: идеология, политика. М.: Высшая школа, 1985. 279 с.
4. Бехтерев В.М. Коллективная рефлексология. Пг.: Колос, 1921. 436 с.
5. Войтоловский Л. Очерки коллективной психологии. Ч. 2. Психология общественных движений. М.; Л.: Гос. изд-во, 1925. 119 с.
6. Грушин Б.А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. М.: Политиздат, 1987. 368 с.
7. Лебон Г. Психология масс // Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: Изд-во Ф. Павленкова, 1896. С. 149–329.
8. Л.О. (Оболенский Л.Е.) Толпа и ее герои // Новое слово. 1896. № 10. С. 43–62.
9. Лозинский Е. Общественно-психологические основы воспитания // Вестник воспитания. 1900. № 3. С. 1–31.
10. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. 480 с.
11. Овчаренко В.И., Грицанов А.А. Социологический психологизм: критический анализ. Минск: Вышэйшая школа, 1990. 206 с.
12. Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М.: Наука, 1979. 235 с.
13. Райхер С. и др. Организаторы ненависти и организаторы солидарности: социальная идентичность как основа массовой коммуникации / Райхер С., Хопкинс Н., Левин М., Патх Р. // Международный журнал Красного креста. 2005. Т. 87. № 860. С. 23–45.
14. Резанов А.С. Армия и толпа. Опыт военной психологии. Варшава: Варшавская эстетич. тип., 1910. 104 с.
15. Сигеле С. Преступная толпа. Опыт коллективной психологии. СПб.: Изд-во Ф. Павленкова, 1893. 116 с.
16. Случевский В.К. Толпа и ее психология // Книжки недели. 1893. № 4. С. 5–38.
17. Сорокин П.А. Бойня: революция 1917 года // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Под ред. А.Ю. Согомонова. М.: Политиздат, 1992. С. 223–244.
18. Тагьефф П.-Л. Цвет и кровь. Французские теории расизма. М.: Ладомир, 2009. 236 с.
19. Тард Г. Преступления толпы. Казань: Типо-лит. Имп. Казан. ун-та, 1893. 44 с.
20. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я». М.: Азбука, 2016. 192 с.
21. Allport F.H. Social psychology. Boston: Houghton Mifflin, 1924. 453 p.
22. Barnes H.E. A psychological interpretation of modern social problems and of contemporary history: A survey of the contributions of Gustave Le Bon to social psychology // Amer. J. of Psychol. 1920. V. 31. N 4. P. 333–369.
23. Barrows J. Miroirs déformants. Réflexions sur la foule en France à la fin du XIX siècle. Paris: Aubier, 1990. 226 p.
24. Bentley A.F. Review of Le Bon's The Psychology of Peoples // Amer. J. of Sociology. 1897. V. 2. N 4. P. 612–614.
25. Borch C. The exclusion of the crowd: The destiny of a sociological figure of the irrational // Europ. J. of Soc. Theory. 2006. V. 9. N 1. P. 83–102.
26. Cooley C.H. Democracy and crowd excitement // Social organization: A study of the larger mind. N.Y.: C. Scribner's Sons, 1909. P. 149–156.
27. Drury J., Reicher S. Collective action and psychological change: The emergence of new social identities // Brit. J. of Soc. Psychol. 2000. V. 39. N 4. P. 579–604.
28. Drury J., Stott C. Contextualising the crowd in contemporary social science // Contemporary Social Science. 2011. V. 6. N 3. P. 275–288.
29. Fournial H. Essai sur la psychologie des foules: considérations médico-judiciaires sur les responsabilités collectives. Lyon: A. Storck; Paris: G. Masson, 1892. 113 p.
30. Locher D.A. Collective behavior. Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall, 2002. 320 p.
31. Marpeau B. Le Bon G. Parcours d'un intellectuel 1841–1931. Paris: CNRS Éditions, 2000. 374 p.
32. Martin E.D. The behavior of crowds: A psychological study. N.Y.; L.: Harper & Brothers publishers, 1920. 312 p.

33. *McClelland J.S.* The crowd and the mob: From Plato to Canetti. L.: Unwin Hyman, 1989. 356 p.
34. *McPhail C.* The myth of the madding crowd. N.Y.: Aldine de Gruyter, 1991. 265 p.
35. *Ostlund L.A.* Tarde, Le Bon, and Bagehot: Early group-interaction theorists // *Social Science*. 1957. V. 32. N 3. P. 166–171.
36. *Reicher S.* The psychology of crowd dynamics // *Hogg M.A., Tindale R.S.* (eds). *Blackwell handbook of social psychology: Group processes*. Oxford: Blackwell, 2001. P. 182–208.
37. *Reicher S., Potter J.* Psychological theory as intergroup perspective: A comparative analysis of “Scientific” and “Lay” accounts of crowd events // *Hum. Relat.* 1985. V. 38. N 2. P. 167–189.
38. *Spears R., Postmes T.* Group identity, social influence and collective action online: Extensions and applications of the SIDE model // *Sundar S.S.* (ed.). *The handbook of psychology of communication technology*. Oxford: Blackwell, 2015. P. 23–46.
39. *Stott C., Drury J.* Contemporary understanding of riots: Classical crowd psychology, ideology and the social identity approach // *Public Understanding of Science*. 2016. V. 26. № 1. P. 2–14.
40. *Vilanova F.* et al. Deindividuation: From Le Bon to the social identity model of deindividuation effects / *Vilanova F., Beria F.M., Costa Â.B., Koller S.H.* // *Cogent Psychology*. 2017. V. 4. N 1. P. 1–21.
41. *Vincent G.E.* Review of Le Bon’s The psychology of peoples // *Amer. J. of Sociol.* 1899. V. 4. N 4. P. 554–556.
42. *Wallas G.* The great society: A psychological analysis. N.Y.: The Macmillan Company, 1920. 383 p.
5. *Voytolovskiy L.* Ocherki kollektivnoy psikhologii. Ch. 2. *Psikhologiya obshchestvennykh dvizheniy*. M.; L.: Gos. izd-vo, 1925. 119 s.
6. *Grushin B.A.* Massovoe soznanie: Opyt opredeleniya i problemy issledovaniya. M.: Politizdat, 1987. 368 s.
7. *Lebon G.* *Psikhologiya mass* // *Psikhologiya narodov i mass*. SPb.: Izd-vo F. Pavlenkova, 1896. S. 149–329.
8. *L.O.* (Obolenskiy L.E.) *Tolpa i ee geroi* // *Novoe slovo*. 1896. N 10. S. 43–62.
9. *Lozinskiy E.* *Obshchestvenno-psikhologicheskie osnovy vospitaniya* // *Vestnik vospitaniya*. 1900. N 3. S. 1–31.
10. *Moskovichi S.* *Vek tolpy. Istoricheskiy traktat po psikhologii mass*. M.: Tsentr psikhologii I psikhoterapii, 1998. 480 s.
11. *Ovcharenko V.I., Gritsanov A.A.* *Sotsiologicheskiy psikhologizm: kriticheskiy analiz*. Minsk: Vysheyschaya shkola, 1990. 206 s.
12. *Porshnev B.F.* *Sotsialnaya psikhologiya i istoriya*. M.: Nauka, 1979. 235 s.
13. *Raykher S.* i dr. *Organizatory nenavisti i organizatory solidarnosti: sotsialnaya identichnost kak osnova massovoy kommunikatsii* / *Raykher S., Khopkins N., Levin M., Ratkh R.* // *Mezhdunarodnyy zhurnal Krasnogo kresta*. 2005. T. 87. N 860. S. 23–45.
14. *Rezanov A.S.* *Armiya i tolpa. Opyt voennoy psikhologii*. Varshava: Varshavskaya estetich. tip., 1910. 104 s.
15. *Sigele S.* *Prestupnaya tolpa. Opyt kollektivnoy psikhologii*. SPb.: Izd-vo F. Pavlenkova, 1893. 116 s.
16. *Sluchevskiy V.K.* *Tolpa i ee psikhologiya* // *Knizhki nedeli*. 1893. N 4. S. 5–38.
17. *Sorokin P.A.* *Boynya: revolyutsiya 1917 goda* // *Sorokin P.A. Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo* / *Pod red. A.Yu. Sogomonova*. M.: Politizdat, 1992. S. 223–244.
18. *Tagieff P.-L.* *Tsvet i krov. Frantsuzskie teorii razsizma*. M.: Lodomir, 2009. 236 s.
19. *Tarde G.* *Prestupleniya tolpy*. Kazan: Tipolit. Imperat. universiteta, 1893. 44 s.
20. *Freud S.* *Psikhologiya mass i analiz chelovecheskogo «Ya»*. M.: Azbuka, 2016. 192 s.

References in Russian:

1. *Ashin G.K.* *Doktrina «massovogo obshchestva»*. M.: Politizdat, 1971. 191 s.
2. *Bezsonov D.D.* *Massovye prestupleniya v obshchem i voenno-ugolovnom prave: Dissertatsiya*. SPb.: Tipo-lit. K.L. Pentkovskogo, 1907. 480 s.
3. *Bessonov B.N.* *Fashizm: ideologiya, politika*. M.: Vysshaya shkola, 1985. 279 s.
4. *Bekhterev V.M.* *Kollektivnaya refleksologiya*. Pg.: Kolos, 1921. 436 s.

Поступила в редакцию 3. IV 2018 г.